

щийся уже к положению придворного «певца» и еще не нуждающийся в публичной «эстраде». (а)

Верно отмечая, что реакция на эпигональные явления в жанре оды выражалась, в том числе, и в усилении позиций салонных и «домашних» жанров, Эйхенбаум игнорирует тот факт, что подобная «реакция» началась намного ранее, задолго до окончания XVIII столетия. Одно из доказательств тому — литературная продукция Львовско-державинского кружка. (b) Она же убеждает в том, что вряд ли правомерны утверждения ученого о смене в литературе первой половины XIX века «семейственности» «салонностью», (с) ибо эти два явления часто шли рука об руку.

Использование ученым понятия «дилетантизм» ведет за собой неизбежные вопросы: Имеется в виду социальный аспект, или речь идет о некоей авторской маске, вписанной в текст? На-

---

(а) Эйхенбаум Б. М. Предисловие // Аронсон М. И., Рейсер С. А. Литературные кружки и салоны. С. 4.

(b) Следует указать на то, что Львовско-державинский кружок в книге Аронсона и Рейсера не упомянут. На с. 43–44 речь ведется о салоне Державина, основным источником о посетителях которого служат мемуары И. И. Дмитриева «Взгляд на мою жизнь» (М., 1866). Салон Державина не назван и в завершающем издании «Списке литературных объединений», зато здесь находим «Салон Н. А. Львова» 1790-х годов, о котором какая-либо информация в книге отсутствует.

(с) «„Семейственность“ уступила свое место „салонности“, которая, в свою очередь, потеряла свое литературно-бытовое значение в эпоху журналистики» (Там же. С. 6).